

III. Свіжий погляд на давні тексти

УДК: 821.131.1:82-14

Шалагинов Борис
(Киев)

Тропы и думы Франческо Петрарки

Шалагинов Борис. Стежки і думи Франческо Петрарки.

Лірика Ф. Петрарки розглядається як переживання, що розгортається у реальній, естетичній, містичній і релігійній сферах, відповідно до середньовічної естетики. В його віршах ми знаходимо болісне народження ренесансного поетичного індивідуалізму, ще далекого від внутрішньої гармонійності. Відштовхуючись від містичного кохання Данте, Петрарка вказує шлях до «романтизації» і «символізації» реальності в поезії XIX ст.

Ключові слова: лірика, кохання, уява, містичне, природа, Ренесанс.

1. Воображение влюблённого преобразует реальность

Одна из самых знаменитых канцон Франческо Петрарки (№ 129) начинается так:

Di pensier in pensier, di monte in monte
mi guida Amor, ch'ogni segnato calle
provo contrario a la tranquilla vita.

Se 'n solitaria spiaggia, o rivo, o fonte,
se 'nfra duo poggi siede ombrosa valle,
ivi s'acqueta l'alma sbigottita <...>

(От думы к думе, от горы на гору
Меня Любовь уводит прочь с дорог

Исхоженных, где нет уединенья.
И там, где дол иль ключ предстанет взору,
Где меж холмов тенистый глянет дол,
Болящий дух мой ищет исцеленья.¹⁾

Страдающий от неразделённой любви к донне Лауре, Петрарка ищет уединения и успокоения от мук любви на лоне природы:

Per alti monti et per selve aspre trovo
qualche riposo: ogni habitato loco
e nemico mortal degli occhi miei.

(Лишь выси гор да мрак лесов угрюмый
Дают мне роздых; ненавидит глаз,
Как недруга, людское поселенье...)²⁾

Но созерцание природы не может изгнать из его сердца образ возлюбленной:

A ciascun passo nasce un penser novo
de la mia donna <...>

(Мой каждый шаг исполнен новой думой
О донне <...>)³⁾

Петрарка погружён в себя, в свои мысли о Лауре, и эта сосредоточенность на своих переживаниях обуславливает особое восприятие природы. Поэт воспринимает природу как одушевлённую. Он не видит и не изображает законченного пейзажа; его взор, взор человека, неспешно и меланхолично бредущего безо всякой видимой цели, из целостности окружающего ландшафта выхватывает отдельные предметы, напоминающие ему облик возлюбленной. Тогда поэт останавливается в забытии, погружаясь в сладостные переживания; но вот, очнувшись, снова видит перед собой не Лауру, но обманувший его воображение предмет:

¹ Перевод А.М. Эфроса. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен.* / Переводы с итальянского. / Составление, предисловие и примечания Б.И. Пуришева. – М. : ГИХЛ, 1963. – С. 71-73. («Сокровища лирической поэзии»).

² Там же.

³ Там же.

III. Свіжий погляд на давні тексти

Ove porge ombra un pino alto od un colle
talor m'arresto, et pur nel primo sasso
disegno co la mente il suo bel viso.
Poi ch'a me torno, trovo il petto molle
de la pietate <...>

(Где холм иль ель отбрасывает тени,
Там медлю я и думой на скалах
Любимый лик рисую в сладкой муке.
Когда ж очнусь, то вздохи сожалений
Колеблют грудь <...>)⁴⁾

Поэт постоянно находится в двух состояниях попеременно: поэтически отчужденном и реальном. Причём его воображение само, безо всякого насилия и принуждения со стороны воли, мистически преображает окружающую действительность, рисуя образ возлюбленной:

...et mirar lei, et obliar me stesso,
sento Amor si da presso,
che del suo proprio error l'alma s'appaga:
in tante parti et si bella la veggio,
che se l'error durasse, altro non cheggio.
(Душа дивится призрачным отрадам, –
Любовь я вижу рядом,
И собственной ошибкой весел ум;
И так полно, так сладостно виденье,
Что я молюсь, чтоб длилось заблужденье.)⁵⁾

Эта же мысль далее повторяется по-новому всё в той же форме антитезы: реальный мир и – картины воображения, любовная мистическая одержимость и – трезвый рассудок:

I' l'o piu volte (or chi fia che mi 'l creda?)
ne l'acqua chiara et sopra l'erba verde
veduto viva, et nel tronchon d'un faggio
e 'n bianca nube, si fatta che Leda

⁴ Там же.

⁵ Там же.

avria ben detto che sua figlia perde <...>
Poi quando il vero sgombra
quel dolce error, pur li medesimo assido
me freddo, pietra morta in pietra viva <...>
(Её не раз – иль то виденье бреда? –
Являла мне и прямизна ствола,
И гладь реки, и шёлковые травы,
И облако, столь белое, что Леда
Еленю гордиться не могла <...>
Когда же явь срывает
Покров со лжи, – похолодев, сижу, –
Скала без жизни <...>)⁶⁾

В моменты мистического озарения конкретные черты природы отступают перед воображаемым обликом возлюбленной, перестают существовать для поэта в своих чувственно-различимых чертах. Вот почему облик возлюбленной проступает тем отчетливей, чем менее явственны черты природы, например, там, где она погружена во мрак:

...et quanto in piu selvaggio
loco mi trovo e 'n piu deserto lido,
tanto piu bella il mio pensier l'adombra.
(И чем темней дубравы,
Чем глуше там, где кров я нахожу, –
Тем краше мысль её воображает.)⁷⁾

Но для себя поэт чётко разделяет мир яви и царство поэтического воображения, несмотря на то, что в миги любовно-поэтического воодушевления теряет меж ними границу. В заключительной строфе поэт расставляет все акценты: он чётко различает «здесь» и «там». Здесь – невольная игра воображения, сладостный, но бесплотный образ возлюбленной, призрачная, лишённая реальности природа. А там – сама возлюбленная, сама роскошная в своей чувственной реальности природа; туда и стремится

⁶ Там же.

⁷ Там же.

III. Свіжий погляд на давні тексти

ПОЭТ:

Canzone, oltre quell'alpe
la dove il ciel e piu sereno et lieto
mi rivedrai sovr'un ruscel corrente,
ove l'aura si sente
d'un fresco et odorifero laureto.
Ivi e 'l mio cor, et quella che 'l m'invola;
qui veder poi l' imagine mia sola.
(Канцона! Там, за гранью этих гор,
Где безмятежно небо голубеет,
Ты встретишься со мной у быстрых вод;
Там тени лавр дает,
Там свежестью благоуханно веет;
Там сердцем я; там – та, кто правит мной.
А здесь один лишь призрак пред тобой.)⁸⁾

2. Смятение души побуждает тело к движению

Это прекрасное стихотворение, в котором так много нового сказал замечательный поэт раннего Возрождения, отмечено ещё сильным влиянием Данте Алигьери. Так, перед нами поэт, постоянно бредущий вперёд, гонимый своей неотвязной думой о Лауре. Немало влюблённых всех времён пыталось найти успокоение от мучительного чувства неразделённой страсти на лоне природы; оно же гнало их прочь от людей. Таковы образы обезумевших от любви Меджнуна в средневековой персидской поэзии, Ролана в поэме Ариосто «Неистовый Ролан». Петрарка, пожалуй, первый в западноевропейской поэзии создал образ героя, находящегося в постоянном движении. Не даёт ему остановиться стремление в каждой новой части ландшафта увидеть образ возлюбленной. Побуждает его к безостановочному шагу такая же неуёмная мысль о Лауре:

⁸ Там же.

Di pensier in pensier, di monte in monte <...>

(От думы к думе, от горы на гору <...>)⁹)

Природа движения Петрарки – мистическая. Перед нами своеобразная аллегория мятущейся души. Эта душа, одержимая противоречивым чувством любви, переживает стремление к внутреннему очищению, своего рода катарсису. Этот процесс внутреннего возвышения души у поэта не столь прост и весьма противоречив. Поэтому и путь лирического героя по «холмам» и «шёлковым травам» не столь прямолинейен, как у Данте, которого ведёт, к тому же, мудрый советчик – Вергилий.

Путь Данте тяжёл, напряжён. Но с каждым шагом всё более и более постигая тяжесть людского греха и одновременно освобождаясь от него, Данте неуклонно приближается к полному очищению души, к её полному возвышению, к полному постижению высокой тайны бытия. В этом смысле путь его «прямее». Данте идёт, Петрарка бредёт; для первого путь к полному просветлению и успокоению заранее предопределён неотступным высоким покровительством Беатриче, а потом и Бернарда; другой же бесконечно далёк от обретения такой гармонии. Поэт не может избавиться от мысли, что высокая покровительница оставила его один на один со своими думами и тем самым обрекла на безнадёжную духовную жажду:

Ivi e 'l mio cor, et quella che 'l m'invola;
qui veder poi l' imagine mia sola.

(Там – сердцем я; там – та, кто правит мной,
А здесь один лишь призрак пред тобой.)¹⁰)

Поэтому в сонетах и канцонах Петрарки образы внутреннего томления лирического героя и неудержимого шага тождественны. Петрарка –

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

III. Свіжий погляд на давні тексти

Si traviato e 'l folle mi' desio
a seguitar costei che 'n fuga e volta,
et de' lacci d'Amor leggiera et sciolta
vola dinanzi al lento correr mio <...>
(Заворожён неистойой мечтой
Всегда, повсюду следовать за тою,
Кто сеть Любви рвет легкою стопою,
Опережая шаг неспешный мой <...> (№ 6)¹¹⁾

Противоречивость чувств вызывает у поэта рефлекссию о мучительности его состояния:

Io mi rivolgo indietro a ciascun passo
col corpo stanco ch'a gran pena porto,
et prendo allor del vostr'aere conforto
che 'l fa gir oltra dicendo: Oime lasso!
(Я шаг шагну – и оглянусь назад,
И ветерок из милого предела
Напутственный ловлю... И ношу тела
Влачу, усталый, дале – рад не рад. (№ 15)¹²⁾

Горестные странствия поэта бесплодны; кажется, что он бредёт вперед, чтобы вернуться на то же самое место. Он бредёт словно по какому-то замкнутому кругу:

Dentro pur foco, et for candida neve,
sol con questi pensier', con altre chiome,
sempre piangendo andro per ogni riva,
per far forse pieta venir negli occhi
di tal che nascera dopo mill'anni,
se tanto viver po ben colto lauro.
(Всё с тем же племенем, хоть в кудрях снег,
Средь тех же дум под белизной волос,
Я прохожу, скорбя, из дола в дол, –
И, может быть, слезой затмятся очи
У правнуков, чрез тысячные годы,
Увидев труд, что я понес для лавра. (№ 30)¹³⁾

¹¹ Там же. – С. 29.

¹² Пер. Вяч. Иванова. См.: *Петрарка Франческо*. Книга песен... – С. 33.

¹³ Пер. А.М. Эфроса. См.: *Петрарка Франческо*. Книга песен... – С. 36-37.

Но неутомима душа влюблённого, ищущая опоры в стопе.
Горестно удивление поэта:

<...> et che' pie' non son fiaccati et lassi
a seguir l'orme vostre in ogni parte
perdendo inutilmente tanti passi <...>

(И как мои не утомились ноги
Разыскивать следы любимых ног,
За грёзою скитаясь без дороги? (№ 74)¹⁴).

Путь души и путь стопы объединяются в средневековой поэтике понятием «стеzi». Данте Алигьери в «Новой жизни» обращается к Канцоне – своему разуму:

Проси: «Наставьте, где стеzia моя?
Ищу я ту, кому подобна я» <...>
Но почитай достойным там присесть,
Где знатный муж или где донна есть, –
И путь тебе откроется как чудом,
И вскорости любовь ты различишь <...> (XIX)¹⁵

Данте Алигьери изображает в «Аде» странствия своей души, созерцающей человеческий грех, который вынесен за пределы личности самого поэта; и, пропуская через свою душу страдания встречающихся ему на пути грешников, он тем самым освобождается от страданий собственных. Петрарка же сам носит в себе свой «ад» и своё «чистилище». Путь Данте уводит его от страданий к внутреннему просветлению и очищению; Петрарка же не может уйти от своих страданий. Вот почему и путь его не столь прям, сколь извилист и непредсказуем. Душа находится постоянно в движении, она – символ движения. Вот почему шаг передаёт душевное состояние, раскрывает его.

Движение, пусть совсем иного характера, присуще и женским образам у обоих поэтов. В «Новой жизни»

¹⁴ Пер. Вяч. Иванова. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 50.

¹⁵ *Данте Альгьери. Новая жизнь.* / Пер. А.М. Эфроса // Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия / Вступ. ст. Б. Коржевского. – М.: Худ. литература, 1967. – С. 41. («Библиотека всемирной литературы»).

III. Свіжий погляд на давні тексти

Данте неуловимый внешне образ Беатриче раскрывает себя через движение. Шаг выражает возвышенную красоту её души:

Она идёт, восторгам не внимает,
И стан её смиреньем облачен <...> (XXVI)¹⁶
Идёт она – к ней всякий поспешает <...> (XXI)¹⁷
Пред кем пройдет, красотой озарена,
Тот делается благ или умирает. (XIX)¹⁸

Те же, кто жаждет высшей чести, должны следовать по её стопам:

О донны, та, что чести ждёт, должна
Идти за нею, где она ступает. (XIX)

Петрарковская Лаура тоже постоянно «шествует», а не только «восседает», «владычествует», «предстаёт». Она всегда оказывается впереди, оставляя поэта в отдалении:

<...> de' lacci d'Amor leggiera et sciolta
vola dinanzi al lento correr mio <...>
(<...> Сеть любви рвёт лёгкою стопою,
Опережая шаг неспешный мой... (№ 6)¹⁹)

Петрарка повсюду находит следы дорогой ему стопы:

Lieti fiori et felici, et ben nate herbe
che madonna pensando premer sole;
piaggia ch'ascolti sue dolci parole,
et del bel piede alcun vestigio serbe <...>

(Счастливые цветы, благие травы.
Где шаг её медлительно прошёл;
Её речами зазвучавший дол,
Её стопами смятые муравы <...> (№ 162)²⁰)

Когда же она проходит мимо, поэт охвачен робостью:

I' mi riscossi; et ella oltra, parlando,
passo, che la parola i' non sofferesi,

¹⁶ Там же. – С. 56.

¹⁷ Там же. – С. 43.

¹⁸ Там же. – С. 40.

¹⁹ Пер. А.М. Эфроса. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 29.

²⁰ Там же. – С. 87.

ne 'l dolce sfavillar degli occhi suoi.
(<...> Не мог идущей мимо
Я благосклонных выслушать речей
И глаз поднять не смел. (№ 111)²¹)

Её неспешный шаг и пленительно-сдержанные движения дорисовывают нам её внешность:

Qui canto dolcemente, et qui s'assise;
qui si rivolse, et qui rattenne il passo...
(Вот запоёт она; вот сдержит шаг;
Вот сядет медленно; вот обернётся... (№ 112)²²)

Конечно, в «Канцоньере» палитра художника воссоздаёт внешность Лауры богаче и разнообразнее, нежели у Данте в «Новой жизни». Поэта пленяют «лик прелестный, речи, блеск волос» (e 'l suo parlare, e 'l bel viso, et le chiome, № 30). И более явственно передаёт нам поэт душевные переживания возлюбленной, отражавшиеся на её лице:

Qui tutta humile, et qui la vidi altera,
or aspra, or piana, or dispietata, or pia;
or vestirsi honestate, or leggiadria,
or mansueta, or disdegnosa et fera.
(Вот лик её – то гордый, то простой,
То строг, то благ, то хмурясь, то ликуя,
То сдержанность, то шалость знаменуя,
Он ласковый, иль гневный, иль немой. (№112)²³)

Внешность Лауры дана малоотчётливо. Можно сказать, что внешний облик Лауры не столько освещён внешним источником света, сколько, как и у Данте в его стихах о Беатриче, лучится всегда ровным и постоянным внутренним светом. Этот свет озаряет собой и пронизывает те черты облика, которые отвечают её небесной природе: очи, улыбка, волосы... Вот почему иные и менее явные детали внешнего облика как бы раство-

²¹ Пер. Вяч. Иванова. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 59.

²² Пер. А.М. Эфроса. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 60.

²³ Там же.

ряются, теряются в этом свете. Целостного портрета перед нами так и не возникает. Источник красоты Лауры, как и в стихах Данте, таится в душе самого Петрарки: он идеализирует душу своей возлюбленной; свет души пронизывает черты внешности донны, сообщая им такую же идеальную, но отвлеченную форму; а душа и внешний облик Лауры одухотворяют уже предметы природы, наделяя их возвышенным значением и мистической ценностью для поэта.

Рисуя внешность Лауры, поэт в большей степени, нежели Данте, конкретизирует образ возлюбленной. Но образ шага остаётся общим: как и Беатриче у Данте, петрарковскую Лауру мы представляем себе неспешно шествующей. Её следами идет поэт.

3. Любовь мистифицирует природу

Топография странствий Лауры и влюбленного в неё поэта намного шире, нежели в дантовской «Новой жизни». Это вся природа. Образ Лауры неотделим от природы вообще:

Schietti arboscelli et verdi frondi acerbe,
amorosette et pallide viole;
ombrose selve, ove percote il sole
che vi fa co' suoi raggi alte et superbe;
o soave contrada, o puro fiume <...>
quanto v' invidia gli atti honesti et cari!
(Простые рощи, свежие дубравы,
Фиалки, чей влюблённый лик отцвел;
Дремучий бор, где луч еще не брел,
И деревья всё выше тянут главы;
Прелестный край, прозрачная река <...>
Как зависть к вам душе моей близка! (№ 162)²⁴)

Это сообщает образу возлюбленной Петрарки необычайную глубину. В мир «Канцоньере» благодаря «странстви-

²⁴ Там же. – С. 87.

ям» Лауры и поэта входит реальный мир, намного более объёмный и протяжённый, нежели у Данте.

Разумеется, природа как таковая еще не стала предметом непосредственного изображения у Петрарки. Подобно тому, как внешний облик Лауры даётся ещё в довольно обобщённом плане, не соподчинён с ситуацией и остаётся неизменным и статичным, независим от неё и в этом смысле освещён одинаково ровным светом, — точно так же изображается и природа. Петрарка не стремится нарисовать пейзаж с его индивидуальными особенностями, который бы каждый раз по-новому отображал всё новые нюансы чувств и переживаний лирического героя. Пейзаж у Петрарки ещё весьма статичен и представляет собой перечень отдельных объектов, которые у него ещё не образуют внутренней композиции. Это «холмы», листва, которая «шепчет в летнем ветерке» (*o verdi fronde mover soavemente a l'aura estiva*), струи речные, «с нежным рокотом» «ласкающие берег» (*o roco mormorar di lucide ond // s'ode d'una fiorita et fresca riva*, № 279)²⁵, «лесные звери, стаи вольной птицы», рыбки — «пленницы зелёных берегов» (*fere selvestre, vaghi augelli et pesci, // che l'una et l'altra verde riva affrena*, № 301)²⁶ и т. п. Картины природы предстают перед поэтом всегда в неизменном виде:

<...> ben riconosco in voi l'usate forme,
non, lasso, in me <...>

(Ваш вид всё тот же, что давно мне ведом,
Но я не тот <...> (№ 301)²⁷)

Но есть в пейзаже Петрарки ещё одна особенность, роднящая его с Данте и придающая ему необычайно ёмкую глубину. Вспомним, что у Данте внешний облик Беатриче, набросанный едва заметными штрихами,

²⁵ Пер. Вяч. Иванова. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* — С. 115.

²⁶ Пер. Ю.Н. Верховского. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* — С. 123.

²⁷ Пер. А.М. Эфроса. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* — С. 71-72.

III. Свіжий погляд на давні тексти

выступает в качестве той физической оболочки, сквозь которую просвечивает возвышенная духовная сущность донны. Поэтически измышлённая реальность Петрарки тоже разделена на мир сущности и мир явления. В рассматриваемой нами канцоне природа как раз и является той самой внешней, материальной, чувственно воспринимаемой оболочкой, сущность которой – присутствие души Лауры:

Где холм иль ель отбрасывает тени,
Там медлю я и думой на скалах
Любимый лик рисую в сладкой муке <...>
Её не раз – иль то виденье бреда? –
Являла мне и прямизна ствола,
И гладь реки, и шёлковые травы,
И облако <...> (№ 129)²⁸

Поэт постоянно одухотворяет природу воображаемым присутствием Лауры:

*Parme d'udir la, udendo i rami et l'ore
et le frondi, et gli augei lagnarsi, et l'acque
mormorando fuggir per l'erba verde.*
(Её я слышу в шорохе ветвей,
В рыданье птиц, в волнах, когда ручей,
Журча в траве, лужайкою стремится. (№ 176)²⁹)

Но порой и эти, едва намеченные штрихи, кажутся ему слишком материальными, способными затмить скрывающуюся за ними хрупкую нежную сущность, отвлечь от неё внимание читателя. Тогда внешний облик природы становится совсем бесплотным:

*Io amai sempre, et amo forte anchora,
et son per amar piu di giorno in giorno
quel dolce loco, ove piangendo torno
spesse fiata, quando Amor m'accora.
Et son fermo d'amare il tempo et l'ora
ch'ogni vil cura mi levar d'intorno <...>*

²⁸ Пер. Ю.Н. Верховского. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 89.

²⁹ Там же. – С. 54.

Всегда любил, теперь люблю душою
И с каждым днём готов сильнее любить
То место, где мне сладко слезы лить,
Когда любовь томит меня тоскою.
И час люблю, когда могу забыть
Весь мир с его ничтожной суетою <...> (№ 85)³⁰

Те же чувства в сонете № 61:

Benedetto sia 'l giorno, et 'l mese, et l'anno,
et la stagione, e 'l tempo, et l'ora, e 'l punto,
e 'l bel paese, e 'l loco ov'io fui giunto
da' duo begli occhi che legato m'anno <...>

(Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!³¹)

Теперь понятно, что Петрарка и не стремился к самодовлеющему изображению природы. Как самостоятельный физический, чувственно-воспринимаемый феномен, она его не привлекала. Но, идя по стопам Данте, Петрарка положил начало целой традиции, имеющей выдающееся значение для развития европейской литературы и лирической поэзии, в частности. Традиция эта – психологизация природы. В полную меру она была реализована позднее. Нам думается, что строки Петрарки воспитали чуткость И.В. Гёте к некоторым традициям восточной лирики, пантеистической по своей сути. Не таково ли одно из самых прекрасных стихотворений его «Западно-восточного дивана»:

В тысяче форм ты можешь притаиться, –
Я, Вселюбимая, прозрю тебя,
Иль вод волшебным покрывалом скрыться, –
Всеездесущая, прозрю тебя.
В чистейшем юном росте кипариса,
Вседивновзросшая, прозрю тебя,

³⁰ Пер. Вяч. Иванова. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 46.

³¹ Там же. – С. 34.

III. Свіжий погляд на давні тексти

Живой волной канала заструится, –
Вселасковая, в ней прозрю тебя <...>
Ковёр лугов – и он тебе порукой,
Всепестрозвездная, в нём зрю тебя,
И если вьётся плющ тысячерукий, –
О Всесвязующая, зрю тебя <...>³²

Не природа направляет внимание героя, не её красота приковывает к себе его взор, захватывает душу и увлекает воображение. Нет, созерцая природу, поэт всегда видит «очами своей души» (Шекспир) образ своей возлюбленной; он всегда видит и воспринимает эту возвышенную сущность природы уже как бы в готовом виде. Внутренняя готовность его души позволяет ему угадывать в объектах природы наиболее прекрасные соответствия. Это всегда эстетически прекрасная природа, так как она представляет столь же совершенную духовную сущность – образ возлюбленной.

Но мы не чувствуем, что поэт мысленно овладел природой и физическим миром вообще. Пусть ценность их для поэта намного выше, чем для Данте, но всё же не столь высока, как, скажем, у Гомера. Как и у древнегреческого рапсода, мир Петрарки залит солнечным светом, но ещё лишен отчётливости, «стереоскопичности» (Э. Ауербах). Как и Данте в «Божественной комедии», Петрарка воспринимает свой мир довольно дискретно, разорвано. Объекты природы соединены в нечто общее весьма случайно. Из целостности природы вырваны отдельные предметы, явления. Связь между ними – не в самой природе, а в душе Петрарки, в прихотливом токе мыслей его о Лауре. Природа, сам материальный мир занимают, как и у Данте, случайное место в мировосприятии поэта. Всё внешнее, физически

³² Гёте И.В. «В тысяче форм ты можешь притаиться...» / Пер. С. Шервинского // И.В. Гёте. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 1.: Стихотворения / Под общ. ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста. – М.: Худож. литература, 1975. – С. 390-391.

осязаемое, весь чувственно-воспринимаемый мир ещё плохо поддаётся поэтическому освоению Петрарки.

4. Плоть и дух страдают от дисгармонии

В том, что любовь Петрарки к Лауре лишена внутренней гармонии и отмечена драматизмом переживаний, убеждают нас строки в начале нашей канцоны:

<...> ivi s'acqueta l'alma sbigottita;
et come Amor l'envita,
or ride, or piange, or teme, or s'assecura;
e 'l volto che lei segue ov'ella il mena
si turba et rasserena,
et in un esser picciol tempo dura.

(<...> Болящий дух мой ищет исцеленья.

Блюдя любви веленья,

Сменяет он то страх, то грусть, то смех;

И взор, следя, чья власть им управляет,

То гаснет, то пылает

В стремительном чередованье вех.)³³

Мысли о Лауре вызывают в душе поэта радость, но также и мученья:

<...> la mia donna, che sovente in gioco
gira 'l tormento ch'i' porto per lei;
et a pena vorrei
cangiar questo mio viver dolce amaro <...>

(И грусть нередко радостью предстанет,

С которою смотрю на госпожу.

Недаром дорожу

Я этой сладкой, этой горькой частью <...> (№ 129)³⁴)

Страдания Петрарки вызваны разными причинами. Так, донна не отвечает вниманием на чувства поэта. Сетования на это рассеяны по всей книге. Наиболее ярко

³³ Пер. Е. Солоновича. См.: *Петрарка Франческо. Сонеты, канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза.* / Предисловие и примечания Н. Томашевского. – М. : Правда, 1984. – С. 374.

³⁴ Там же.

III. Свіжий погляд на давні тексти

свидетельствует об этом сонет № 57:

Mie venture al venir son tarde et pigre,
la speme incerta, e 'l desir monta et cresce,
onde e 'l lassare et l'aspectar m'incresce;
et poi al partir son piu levi che tigre.
Lasso, le nevi fien tepide et nigre,
e 'l mar senz'onda, et per l'alpe ogni pesce,
et corcherassi il sol la oltre ond'esce
d'un medesimo fonte Eufrate et Tigre,
prima ch'i' trovi in cio pace ne triegua,
o Amore o madonna altr'uso impari,
che m'anno congiurato a torto incontra.
Et s'i' o alcun dolce, e dopo tanti amari,
che per disdegno il gusto si dilegua:
altro mai di lor gratie non m'incontra.

(Мгновенья счастья на подъём ленивы,
Когда зовёт их алчный зов тоски;
Но чтоб уйти, мелькнув, – как тигр легки.
Ясны ловить устал. Надежды лживы.
Скорей снега согреются, разливы
Морей иссохнут, невод рыбаки
В горах закинут, там, где две реки –
Евфрат и Тигр – влачат свои извивы
Из одного истока, Феб зайдет, –
Чем я покой найду, иль от врагини,
С которой ковы на меня куёт
Амур, мой бог, дождуся благостыни.
А мёд скупой – устам, огонь полыни
Изведавшим, – не сладок поздний мёд!³⁵)

Истинный ключ для понимания противоречивых чувств Петрарки дает его трактат «Моя тайна. О презрении к миру», где мы слышим воображаемый разговор Франциска с Августином Блаженным, а по существу спор поэта с самим собой. Поэт пытается убедить себя, что испытывает к Лауре духовное влечение, что она является

³⁵ Пер. Вяч. Иванова. См.: *Петрарка Франческо*. Книга песен... – С. 45.

для него воплощением небесной благодати и идеальной красоты. Наряду с этим он осознаёт, что его привлекает также и земная красота донны. Эти противоположные чувства поэт не может примирить в своей душе.

Петрарка мыслит еще средневековыми категориями. Земное и возвышенное, жизнь плоти и духа разделены для него, взаимно враждебны, несовместимы и взаимно дисгармоничны. Первое средневековой этикой объявлялось греховным, второе – благодатью. Лишь позднему Возрождению удастся отстоять убеждение, что «земная» и «возвышенная» любовь не противоречат друг другу, но могут существовать в гармоническом единстве. Наиболее ярко ренессансная гармония чувственной и возвышенной любви, дающая человеку всю полноту земного счастья, будет раскрыта в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». Но там же английский поэт воздвигнет поэтический памятник Петрарке: Розалина, первая возлюбленная Ромео, предстанет перед нами нежным отблеском образа Лауры в меланхолических, таких петрарковских по духу и форме, монологах Ромео в 1-м акте.

О гнев любви! О ненависти нежность!
Из ничего рождённая безбрежность.
О тягость лёгкости, смысл пустоты!
Бесформенный хаос прекрасных форм,
Свинцовый пух и ледяное пламя,
Недуг целебный, дым, блестящий ярко,
Бессонный сон, как будто и не сон!
Такой любовью дух мой поражён.³⁶

Петрарка ещё не знал по-ренессансному полной гармонии мировосприятия. Его мысль находится в русле, проложенном Данте в «Новой жизни». Всё земное, обыденное – лишь внешняя оболочка, скрывающая в себе возвышенную, идеальную сущность.

³⁶ Шекспир Уильям. Ромео и Джульетта./ Пер. Т. Щепкиной-Куперник // Уильям Шекспир. Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. – Т. 3. – М.: Искусство, 1958. – С. 17.

III. Свіжий погляд на давні тексти

Лаура для Петрарки – воплощение некоего высшего света, непереносимого в земной обыденности, где он ослепляет, жжёт:

Quand'io son tutto volto in quella parte
ove 'l bel viso di madonna luce,
et m'e rimasa nel pensier la luce
che m'arde et strugge dentro a parte a parte.

<...> Così davanti ai colpi de la morte
fuggo: ma non si ratto che 'l desio
meco non venga come venir sole.

(Когда я весь влекусь туда, откуда
Прекрасная Мадонна льёт свой свет,
И думаю, как жжёт он, этот свет,
И что мне нет спасенья ниоткуда.

<...> То я хочу от покушений смерти
Спасти себя; но страсть моя вослед
Торопится, чтоб мучить, как обычно. (№ 18)³⁷)

Петрарка не в силах противостоять влечению к этому испепеляющему сиянию, потому что оно для него – истина, высшая духовная благодать:

Son animali al mondo de si altera
vista che 'ncontra 'l sol pur si difende;
altri, pero che 'l gran lume gli offende,
non escon fuor se non verso la sera;
et altri, col desio folle che spera
gioir forse nel foco, perche splende,
provan l'altra vertu, quella che 'encende:
lasso, e 'l mio loco e 'n questa ultima schera.

Ch'i' non son forte ad aspectar la luce
di questa donna, et non so fare schermi
di luoghi tenebrosi, o d' ore tarde:
pero con gli occhi lagrimosi e 'nfermi
mio destino a vederla mi conduce;
et so ben ch'i' vo dietro a quel che m'arde.

(Есть существа с таким надменным взглядом,

³⁷ Пер. А.М. Эфроса. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 34.

Что созерцают солнце напрямик;
Другие же от света прячут лик
И тянутся к вечеровым отрадам;
И третьи есть, отравленные ядом
Любви к огню; и пыл их так велик,
Что платят жизнью за желанный миг, –
Судьба дала мне место с ними рядом!
Поистине мне вынести невмочь
Сиянья донны, – ни найти укрытья
Средь темноты, когда наступит ночь;
И немощный, слезящийся свой взор
Веленьям рока должен к ней стремить я, –
Так сам себя веду я на костёр! (№ 19)³⁸⁾

Мотив благодатного сияния, представляющего высшую духовную сущность, мы встречали в «Новой жизни» Данте, но там оно было лишено всякой роковой силы: человек не наказывался ослеплением или смертью за созерцание высшего духовного блаженства:

В своих очах Любовь она хранит.
Блаженно всё, на что она взирает. (XXI)³⁹⁾
Такую благость взгляд её лиёт,
Что зависти никто из донн не знает,
Но всех она в согласии ведёт <...> (XXVI)⁴⁰⁾

У Петрарки, как мы видим, появляются иные акценты. Бросается в глаза различие в интонации, настроении лирики: у Данте – спокойная, внутренне уравновешенная, величественная, гимническая, предвосхищающая сицилианы и пассакалии И.С. Баха; у Петрарки – драматически беспокойная, напряженная, предвосхищающая романтическое «томление» XIX века:

О как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Как верим верою живую,

³⁸⁾ Там же. – С. 35.

³⁹⁾ Данте Альгьери. Новая жизнь... – С. 43.

⁴⁰⁾ Там же. – С. 56.

III. Свіжий погляд на давні тексти

Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струёю
По жилам небо протекло!
Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаём, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнём.
Едва усилием минутным
Прервём на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —
И, отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.
(Ф. И. Тютчев. «Проблеск». 1825 г.)⁴¹

В эпоху Петрарки обострился контраст между возросшим эстетическим значением плоти, вообще всего земного, обыденного, человеческого, и — пропорционально этому возросшим осознанием греховности земных устремлений, интересов, влечений, в чём заявляет о себе средневековое сознание. Данте мысли о плоти ещё не терзают, его взгляд спокойно и радостно устремлён прямо за материальную оболочку явления к его сущности. Минувя внешний облик Беатриче, он проникает в её возвышенную сущность. Петрарка же, пытаясь, подобно Данте, устремить свой взгляд за оболочку плоти, невольно задерживается на ней, но тут же, отпрянув, горестно замечает, сколь ярок и ослепителен свет её сущности, сколь по сравнению с этим сиянием недостойна, низка и обыденна, сколь греховна его собственная душа. Так вместо свободного и счастливого упоения светом идеала, поддерживающего душу и зовущего её к высшим деяниям, как у Данте, мы видим драматически напряженное, роковое

⁴¹ Тютчев Ф.И.. Проблеск // Ф.И. Тютчев. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. / Гл. ред. Н.Н. Скатов и др. — Т. 1. — М. : Изд. центр «Классика». — С. 52-53.

стремление к вечно недостижимому источнику полного духовного блаженства, приближение к которому не возвышает поэта, а лишь убеждает в греховности и нестойкости его собственной души. Примирить эти два противоположных стремления в своей душе поэт не может:

L'aspetto sacro de la terra vostra
mi fa del mal passato tragger guai,
gridando: Sta' su, misero, che fai?;
et la via de salir al ciel mi mostra.
Ma con questo pensier un altro giostra,
et dice a me: Perche fuggendo vai?
se ti rimembra, il tempo passa omai
di tornar a veder la donna nostra.
I' che 'l suo ragionar intendo, allora
m'agghiaccio dentro, in guisa d'uom ch'ascolta
novella che di subito l'accora.
Poi torna il primo, et questo da la volta:
qual vincera, non so; ma 'nfino ad ora
combattuto anno, et non pur una volta.
(Священный вид земли твоей родной
Язвит мне совесть скорбию всечасной,
Взывая: «Стой! Что делаешь, несчастный?»
И в небо указывает путь прямой.
Другая мысль вступает с этой в бой
И говорит: «К чему побег напрасный?
Ты должен перед донною прекрасной
Предстать опять с повинной головой!»
Я слышу эти речи, но угрюмо
Безмолствую, как тот, кто впал в унынье,
Узнавши неожиданную весть.
И снова восстаёт на думу дума...
Кто победит, не знаю. Но поныне
Всё длится бой. Надолго ли – Бог весть! (№ 68)⁴²)

⁴² Пер. А.М. Эфроса. См.: *Петрарка Франческо. Книга песен...* – С. 49.

5. Поэт живёт в расколоте реальности

Мы видим, что у Петрарки реальность расколота. В ней противостоят друг другу обыденная видимость и скрытая за нею высокая сущность, живая природа и воображение, телесные ощущения и духовные порывы... Такое дуалистическое восприятие мира отличается от дантовского, ибо оно дисгармонично и носит драматически напряжённый характер, в то время как Данте примиряет противоположности сущего (дух и материю) в своей душе безотчётно верующего католика. Мирочувствование Петрарки по-ренессансному глубоко антропоцентрично, ибо его душа предоставлена самой себе, собственным блужданиям и сомнениям; мировосприятие Данте теоцентрично, ибо опирается в своих глубинах на путеводную Высшую волю.

Центром, через который преломляется дантовская вера и петрарковские сомнения, становится женский образ. Для первого он символизирует устойчивость мира (ибо Данте убеждён, что Беатриче послана ему Высшей волей), а для второго воплощает его неустойчивость. Ведь Петрарка не может добиться главного – душевного единения со своей возлюбленной, которая его избегает. Пусть у Данте это единение, необходимое для внутренней гармонии души, существует в его же собственном воображении; но он полностью слился, самоотжествился с ним. Петрарка же чувствует некие силы внешнего отталкивания, мешающие ему слиться с предметом обожания, и не может понять их природу. Вот почему его взгляд вынужден постоянно обращаться к самому себе. Его сомнения разъедают собственную уверенность в себе. Перед нами предельно обнажённый, драматически напряжённый *индивидуализм*, который принуждён решать задачу самоутверждения исключительно в сфере собственных сил. Он покинут Лаурой, а значит – лишён всяческой поддержки извне. Он вынужден черпать силы

только в своей душе. Но душа эта предстаёт перед нами как чрезвычайно мягкая, полная сомнений, склонная к самообману. Это не тот индивидуализм, который сознательно отбрасывает помощь извне (вспомним гимн «Прометей» юного Гёте!), а индивидуализм души, как бы застигнутой внезапно, врасплох, души, на самом деле стремящейся к внутреннему покою, мечтающей о гармонии тихого счастья, но вынужденной вести навязанную ей неравную борьбу:

S'io esca vivo de' dubbiosi scogli <...>

ch'i' sarei vago di voltar la vela,

et l'anchore gittar in qualche porto!

(О, если я спасусь от бега к рифам <...> –

Как весело спущу я паруса

И брошу якорь в благодатную гавань! (№ 80)⁴³)

Немецкие романтики на рубеже XVIII–XIX вв. ввели Петрарку-поэта в свой литературный канон. Но мистицизм самих романтиков отличается от петрарковского просветлённым и гармоничным характером. Ведь им была присуща уверенность в возможности объять всю безбрежность эмпирического и сверхчувственного миров изначально родственным человеческим духом. У романтиков мистицизм природы не отрицал её самой, её очарования и приветливого разнообразия. Они открывали в ней существование множества не реализованных до конца материальных форм, увидеть и разгадать которые дано было только творчески напряжённому духу, «гению». Индивидуализм романтиков, как мы видим, был существенно иной, нежели у Петрарки.

Мистицизм ранних романтиков сближает их, скорее, с В. Шекспиром как поэтом высокого Возрождения. Шекспир воспринимал природу как не подлежащее сомнению чудо сущего (именно этот взгляд на природу был воспринят юным Гёте и последовательно проведён

⁴³ Там же. – С. 52.

III. Свіжий погляд на давні тексти

им вплоть до последних страниц «Фауста»; именно такой взгляд получил далёкий отклик в европейской «философии жизни» на рубеже XIX–XX вв.). Шекспир доверял *чувственной* стороне природы, именно она была источником высоких переживаний для его героев. Он расширил чувственность окружающей природы до чувственности природы человеческой; и в этом также заключался его гуманизм. Такая природа могла быть источником неразрешимых психологических коллизий, но, в отличие от Петрарки, никогда не была у него греховной, низкой. Знаменательна в пьесе «Ромео и Джульетта» эволюция любовных переживаний Ромео от Розалины к Джульетте, от бесплотного дуалистического чувства к полнозвучной чувственно-духовной гармонии. «Ромео и Джульетта» – это окончательно прощание с раннеренессансным индивидуализмом растерянности, когда герой видел единственное избавление в смерти, и даже звал её:

L'amar m'e dolce, et util il mio danno,
e 'l viver grave; et prego ch'egli avanzi
l'empia Fortuna, et temo no chiuda anzi
Morte <...>.

(Любовь сладка, полезна горечь бед,
Но тяжко жить, и я молю, чтоб дали
Мне парки смерть <...> (№118)⁴⁴)

У Шекспира – это переход к индивидуализму самоутверждения, ради которого личность сознательно идёт на смерть. Если у Петрарки бессознательная жажда смерти была свидетельством внутреннего *бессилия* перед исторически новыми жизненными коллизиями, то со времён Шекспира, когда окончательно утвердилась философия *приятя* жизни, смерть становилась безусловной ценой *утверждения* жизни. Таковой она оставалась вплоть до середины XX века, когда философия жизнеутверждения в её старых формах была исчерпана окончательно.

⁴⁴ Там же. – С. 62.